

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.6>

UDC 81'271.1:81'246.2

LBC 81.022

Submitted: 17.05.2024

Accepted: 31.03.2025

LANGUAGE FEATURES OF WRITTEN SPEECH IN ADULT BILINGUALS IN THE CONDITIONS OF RUSSIAN-KYRGYZ BILINGUALISM

Elena V. Galkina

Pavlov Institute of Physiology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Sofia V. Krasnoshchekova

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Jamilya E. Dunganova

Kyrgyz State University named after I. Arabaev, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. An experimental study is devoted to identifying the peculiarities of written speech in Russian among adult bilinguals living in Kyrgyzstan. The experiment involved informants from three groups: with the first Kyrgyz, studied at a Kyrgyz-speaking school; with the first Kyrgyz, studied at a Russian-speaking school; with the first Russian. The research material was written narratives in Russian, obtained during the experiment supported with the MAIN narrative collection and analysis tool. A comparison of bilingual speech was carried out in order to identify deviations from the Russian speech standard, and to identify the most typical mistakes made by informants from different groups. The results of processing the experimental material obtained by statistical methods have shown that the degree of mastery of the second language is reflected primarily at the morphological level. It is shown that the informants of the two groups with the first Kyrgyz demonstrated differences in the degree of mastery of the spelling rules of the Russian language. Errors related to the use of lexical units (lexical and word-formation) are equally typical for different groups of informants with the first Kyrgyz, but they differ from informants with the first Russian. There were no significant differences in the speech of bilinguals at the syntactic, stylistic and punctuation levels. Assumptions are made about the causes of errors in the speech of Russian-Kyrgyz bilinguals.

Key words: bilingualism, speech errors, adult bilingual, narrative, written speech, Russian-Kyrgyz bilingualism.

Citation. Galkina E. V., Krasnoshchekova S. V., Dunganova J. E. Language Features of Written Speech in Adult Bilinguals in the Conditions of Russian-Kyrgyz Bilingualism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 73-85. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.6>

УДК 81'271.1:81'246.2

ББК 81.022

Дата поступления статьи: 17.05.2024

Дата принятия статьи: 31.03.2025

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ДВУЯЗЫЧНЫХ ВЗРОСЛЫХ В УСЛОВИЯХ РУССКО-КЫРГЫЗСКОГО БИЛИНГВИЗМА

Елена Владимировна Галкина

Институт физиологии им. И.П. Павлова Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Софья Викторовна Краснощекова

Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Джамиля Эрнстовна Дунганова

Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. Экспериментальное исследование посвящено выявлению особенностей письменной речи на русском языке взрослых билингвов, проживающих в Кыргызстане. В эксперименте приняли участие информанты трех групп: с первым кыргызским, обучавшиеся в кыргызоязычной школе; с первым кыргызским, обучавшиеся в русскоязычной школе; с первым русским. Материалом исследования послужили письменные нарративы на русском языке, полученные в ходе эксперимента на базе инструмента для сбора и анализа нарративов MAIN. Проведено сравнение речи билингвов с целью установления отклонений от русского речевого стандарта, и определения наиболее типичных ошибок, допускаемых информантами разных групп. Результаты обработки полученного экспериментального материала статистическими методами показали, что степень освоенности второго языка отражается прежде всего на морфологическом уровне. Показано, что информанты двух групп с первым кыргызским продемонстрировали различия в степени освоенности орфографических правил русского языка. Ошибки, связанные с употреблением лексических единиц (лексические и словообразовательные), одинаково типичны для информантов с первым кыргызским, но отличаются их от информантов с первым русским. Значимых отличий речи билингвов на синтаксическом, стилистическом и пунктуационном уровнях не обнаружено. Высказаны предположения о причинах возникновения ошибок в речи русско-киргизских билингвов. *Вклад авторов.* Е.В. Галкина – расшифровка, разметка и анализ текстового материала, классификация и первичный количественный анализ отклонений от русского речевого стандарта, формулирование результатов и выводов. С.В. Краснощекова – общетеоретическое осмысление классификации отклонений от русского речевого стандарта на анализируемом материале, обзор литературы по теме, статистическая обработка материала, качественный анализ и описание примеров, формулирование результатов и выводов. Д.Э. Дунганова – подготовка информантов к эксперименту, проведение эксперимента, сбор и предварительная обработка нарративов, описание языковой ситуации в Кыргызстане и характеристика информантов.

Ключевые слова: билингвизм, речевые ошибки, взрослый билингв, нарратив, письменная речь, русско-кыргызский билингвизм.

Цитирование. Галкина Е. В., Краснощекова С. В., Дунганова Д. Э. Языковые особенности письменной речи двуязычных взрослых в условиях русско-кыргызского билингвизма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 73–85. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.6>

Введение

Взрослый билингвизм разных типов как явление в целом и особенности речи взрослых билингвов в частности представляют несомненный научный интерес и активно изучаются в современной лингвистике. Исследуется речевая продукция как билингвов, осваивающих второй язык уже во взрослом возрасте: в «учебной ситуации» («ситуации аудитории») и естественной среде, так и сбалансированных или несбалансированных билингвов, которыми оба языка осваиваются с детства [Рингблом, Краснощекова, Галкина, 2018; Anderson, Hawrylewicz, Bialystok, 2020; Dąbrowska, Becker, Miorrelli, 2020; Özşen et al., 2020; Sá-Leite et al., 2023]. Стратегии порождения речи на менее освоенном языке, выделяемые у билингвов, считаются в той или иной мере актуальными для всех типов билингвизма (возможно, исключая сбалансированный тип, при котором оба языка освоены на одинаково высоком уровне). Например, как показала С.Н. Цейтлин, для большинства билингвов характерны стратегия

симплификации (стремление использовать более «простые» формы – начальные, самые частотные в инпуте косвенные или «замороженные» в составе конструкций), стратегия генерализации / сверхгенерализации (уподобление морфологических парадигм, распространение одного окончания на слова разных грамматических классов и пр.) и стратегия интерференции / трансфера (перенос какого-либо языкового явления из другого освоенного языка, чаще всего – из первого у несбалансированных билингвов) [Цейтлин, 2015].

Данное исследование базируется на анализе речи взрослых билингвов, оба языка которых осваиваются с детства. Изучение этого типа билингвизма позволяет проследить функционирование и взаимодействие двух уже сложившихся индивидуальных языковых систем, развитие которых не происходит так быстро, как при активном освоении нового языка. Рассматриваются особенности текстов на русском языке, написанных взрослыми студентами, проживающими в Кыргызстане и владеющими русским и кыргызским язы-

ками. Работа продолжает серию исследований, посвященных русскоязычным нарративам, порожденным русско-кыргызскими билингвами разного возраста, в частности детьми-билингвами 4–6 лет (см., например: [Галкина, Краснощекова, 2024]).

Современная языковая ситуация в Кыргызстане обычно характеризуется следующим образом. Двумя основными языками в обществе являются русский и кыргызский, хотя на территории страны проживает около 70 этнических групп, говорящих на других языках. За счет программ государственной поддержки кыргызского языка языковая ситуация в настоящий момент переходит от несбалансированной, при которой русский язык выступает как ведущий, более престижный, обладающий высоким коммуникативным рангом, к сбалансированной, при которой кыргызский и русский языки равноправны, но распределены по разным функциональным сферам [Ахметова, 2017, с. 153–156]. В последние годы в странах Средней Азии усиливается тенденция замещения русского языка как ведущего / престижного национальным языком [Летняков, 2015; Евдокимов, Давыдова, Савкин, 2020], тем не менее в Кыргызстане престиж русского языка остается высоким: растет количество русскоязычных школ и интерес к русскому языку как второму [Кудаяров, 2020, с. 46, 49], русский язык используется как язык межнационального общения, на нем ведется преподавание в высшей школе, в дополнение к кыргызскому он употребляется в СМИ. В исследованиях показано, что для большинства русско-кыргызских билингвов сейчас характерен диспропорциональный тип билингвизма, при котором кыргызский язык доминирует, а русский освоен на более низком уровне [Дербишева, 2022].

В числе типичных особенностей речи русско-кыргызских билингвов называют интерференцию кыргызского при порождении русскоязычных высказываний и спонтанное переключение кодов в бытовом диалоге. Так, при переключении кодов русскоязычные вкрапления в кыргызском тексте несут модально-оценочное или эмоциональное значение [Алтынбекова, 2022]; интерференция кыргызского проявляется на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях язы-

ка и приводит, например, к неверному выбору русских слов, неразличению грамматического рода, порождению конструкций, несвойственных стандартному русскому языку [Дербишева, 2022].

Цели нашего исследования заключаются, во-первых, в определении языковых особенностей, характерных для русскоязычных письменных текстов, порожденных носителями доминантного кыргызского языка в экспериментальной ситуации, и, во-вторых, в создании классификации обнаруженных типичных отклонений от русского речевого стандарта.

Материал и методы

Материалом послужили рассказы, собранные при помощи Litmus MAIN «Мультиязычный инструмент для сбора и анализа нарративов» [Gagarina et al., 2015]. Инструмент включает четыре набора картинок: Dog story, Cat story, Baby goats, Baby birds, каждая серия содержит связную нарисованную историю, состоящую из 6 рисунков; персонажами историй являются люди и животные, в каждой истории активно действуют 3 героя. В качестве информантов исследования выступали двуязычные студенты 3 курса филологического факультета университета, постоянно проживающие в Кыргызстане (г. Бишкек): носители с доминантным кыргызским (K1) и с доминантным русским языком (P1). Общее количество испытуемых – 70, средний возраст – 21 год. Обучение в университете всех испытуемых происходило на русском языке, однако школьное образование часть информантов получала на кыргызском, в связи с чем группа K1 была разделена на две подгруппы в зависимости от языка обучения информанта в школе. До поступления в университет 39 информантов из двуязычных семей обучались в русскоязычной школе (группа PШ), 17 человек получали среднее образование на кыргызском языке, а русский язык был одним из школьных предметов (группа KШ). 14 испытуемых выросли в русскоязычных семьях и окончили русскую школу (группа P1). Таким образом, группы информантов составили: K1 = 56 (из них PШ = 39, KШ = 17); P1 = 14.

Все студенты участвовали в эксперименте добровольно. Нарративы создавались в

письменном виде как результат выполнения двух заданий. В первом задании респондентам было предложено рассмотреть картинки Baby goats / Baby birds и на основе увиденного сюжета придумать собственную сказку для детей-дошкольников. Во втором задании испытуемым нужно было прослушать стандартный текст Dog story / Cat story и пересказать так, чтобы можно было впоследствии прочитать рассказ ребенку. Полученные тексты переводились в цифровую форму вручную и анализировались по разработанной шкале. Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи t-критерия Стьюдента.

Результаты

Всего было получено 70 нарративов, из них 17 – от информантов группы КШ: 10 пересказов и 7 рассказов; 39 – от информантов группы РШ: 19 пересказов и 20 рассказов; 14 – от информантов Р1: 7 пересказов и 7 рассказов. Из нарративов были извлечены все предложения, содержащие отклонения от русского речевого стандарта (ошибки). Учитывались как системно-языковые ошибки (грамматические, лексические и др.), так и отклонения от письменной нормы (орфографические и пунктуационные ошибки). Общее число обнаруженных ошибок составило 564 единицы. Для дальнейшего анализа они были разделены на следующие типы: морфологические, синтаксические, лексические, словообразовательные; отклонения от письменной нормы; просторечные элементы. В числе мор-

фологических ошибок были выделены два основных подтипа: ошибки на употребление рода («род») и ошибки на образование и использование падежных форм и предложно-падежных конструкций («падеж»). Ошибок, связанных с глагольной морфологией (образование личных форм, использование «замороженных» инфинитивов, выбор формы вида) не обнаружено. Среди отклонений от письменной нормы отдельно рассматриваются орфографические и пунктуационные ошибки; последний тип также был разделен на два подтипа – нестандартные случаи постановки запятых («запятые») и нестандартные способы оформления начала и конца предложения («точки»: полное отсутствие знаков препинания, постановка запятых вместо точек, отсутствие заглавных букв в начале предложения).

Данные о количестве ошибок каждого типа у каждой группы испытуемых приводятся в таблице 1.

Как видим, наиболее частотными отклонениями в целом были те, которые связаны с нормами письменного языка: орфографией и постановкой знаков препинания внутри одного предложения («запятые»), причем пунктуационные ошибки в нарративах Р1 преобладают над орфографическими, тогда как в нарративах К1 одинаково частотны оба типа (группа РШ) или наблюдается преобладание орфографических ошибок (группа КШ): вероятно, за счет того, что носители, владеющие русским языком на недостаточно высоком уровне, используют стратегию избегания и стремятся не порождать пунктуационно

Таблица 1. Типы ошибок в группах К1 и Р1: абсолютные числа

Table 1. Types of errors in K1 and R1 groups: absolute numbers

Тип ошибки	Группа респондентов		Р1	Всего
	КШ	РШ		
«род»	32	28	–	60
«падеж»	29	31	–	56
«лексика»	21	39	–	60
«синтаксис»	6	7	3	16
«словообразование»	8	5	–	17
«просторечие»	1	10	1	12
«орфография»	56	84	9	149
«запятые»	35	90	27	152
«точки»	8	25	9	42
<i>Всего</i>	196	319	49	564
<i>Всего текстов</i>	17	39	14	70

сложные предложения. Для К1 типичны также лексические и грамматические ошибки, не зафиксированные у Р1.

Для того, чтобы выяснить, насколько значимы различия по количеству ошибок между группами, были проведены статистические тесты с использованием t-критерия Стьюдента. Группы сравнивались попарно: КШ и РШ, КШ и Р1, РШ и Р1; различия между рассказами и пересказами не учитывались; проводилось сравнение средних величин, то есть сравнивалось среднее количество ошибок на текст. Различия принято считать значимыми при $p < 0.01$. Результаты статистических тестов приводятся в таблице 2.

Таким образом, статистически значимые различия между КШ и РШ наблюдаются в области грамматики и орфографии: информанты, обучавшиеся в кыргызских школах, делали значимо больше ошибок, связанных с использованием рода и падежа, чем информанты, обучавшиеся в русских школах, а также чаще писали слова орфографически неверно. Различия между К1 и Р1 проявляются по большему количеству параметров: грамматических, лексических, словообразовательных и орфографических. Различий в количестве синтаксических и пунктуационных ошибок не обнаружено; кроме того, нет различий в использовании просторечных единиц за счет их низкой частотности.

Обсуждение

Единственный тип системно-языковых ошибок, в котором наблюдаются статисти-

чески значимые различия между двумя подгруппами К1, это морфологические ошибки. Заметим, что подгруппы различаются только по усредненной частотности ошибок, но не по их содержанию: для обеих подгрупп в целом характерны одинаковые виды ошибок и механизмы их возникновения. На морфологическом уровне языка основные сложности, с которыми сталкиваются участники группы К1, связаны с образованием и употреблением форм рода и падежа. Приведем примеры:

- (1) Сидел на дереве **ворона** (КШ);
- (2) Но **один из козлят упал** в воду. Коза ее спасла и показывает как правильно надо пить воду (КШ);
- (3) Тогда **мальчик сказала** кошку кому там ловишь? (КШ);
- (4) ...птены остались одни и их **заметила кошка** но **он не успел** к ним подойти (РШ);
- (5) **Собака увидела** пакет, оставленный мальчиком на земле и **подумал** что может быть в пакете (РШ);
- (6) **Мяч покати́лся** к озеру и **упала** в воду (КШ).

Недоосвоенность категории рода проявляется в первую очередь при координации подлежащего со сказуемым (1) и анафорического местоимения с антецедентом (2). Обычно не различается м. р. и ж. р., причем грамматика приписывается хаотично – не только м. р. при координации с существительным ж. р. (1) и наоборот (2)–(3); но и так, что с одним существительным одновременно оказываются связаны словоформы разного рода: обычно словоформа, позиционно контактирующая с существительным, имеет верный показатель

Таблица 2. Сравнение количества ошибок в группах К1 и Р1 (критерий t-Стьюдента)

Table 2. Comparison of the amount of errors in K1 and R1 groups (t-Student test)

Тип ошибки	Группа респондентов			КШ / РШ	КШ / Р1	РШ / Р1
	К1		Р1			
	КШ	РШ				
«род»	1,88	0,72	0	<0.001	<0.001	<0.001
«падеж»	1,71	0,79	0	0.002	<0.001	<0.001
«лексика»	1,24	1	0	0.4	<0.001	<0.001
«синтаксис»	0,35	0,18	0,21	0.5	0.6	0.6
«словообразование»	0,47	0,13	0	0.2	<0.001	<0.001
«просторечие»	0,06	0,26	0,07	0.4	1	0.4
«орфография»	3,29	2,15	0,64	<0.001	<0.001	<0.001
«запятые»	2,06	2,31	1,93	0.3	0.6	0.1
«точки»	0,47	0,64	0,64	0.6	0.5	1
Всего ошибок	11,53	8,18	3,5	–	–	–
Всего текстов	17	39	14	–	–	–

рода, а словоформа, находящаяся дальше по контексту, – неверный (4)–(6).

Неразличение и хаотичное приписывание рода называется в числе наиболее характерных особенностей русскоязычной речи носителей тюркских языков, в том числе узбекского [Сулаймонова, 2018; Юсупова, 2023], татарского, шорского и хакасского [Некрасова, Резанова, Палий, 2019; Резанова, Рябова, 2021] и др. Вероятнее всего, это обусловлено стратегией интерференции – переноса из родных языков говорящих, в которых категория рода отсутствует.

В устной речи неразличение рода также проявляется при согласовании адъективной словоформы с существительным (*большой собака*): оно типично для речи как русско-кыргызских двуязычных детей [Галкина, Краснощекова, 2024], так и взрослых, изучающих русский язык «в аудитории» [Brooks, Kempe, Donachie, 2011]. В нашем материале, однако, подобные примеры маргинальны.

Обычно род верно приписывается атрибутам, находящимся в контакте с вершиной (*свой мячик, большой козел, добрая собака*) (7). Исключение – формы причастий (8), а также местоимения *этот*: возможно, единица *это* осваивается и используется гештальтно, «замороженно» (9). Например:

(7) а за ним наблюдала **хитрая лиса** <...> за ними всеми наблюдала **черная ворона** (КШ);

(8) Выбрался козленок на сушу, как вдруг увидел **лису, спрятавшегося** за деревом (РШ);

(9) **В это момент** кошка увидела ведро (РШ).

Ошибки в категории падежа связаны со стратегиями симплификации и сверхгенерализации:

(10) Кошка незаметно подобралась **к дереву** и пыталась их съесть (РШ);

(11) Собака побежала **за кот**, щенчики были в безопасности (РШ);

(12) Он хотел **помочь кошку** (КШ);

(13) Оставил **пакета** с сосисками на землю и подошел к ним (КШ);

(14) Однажды **один из козленок** утонула (КШ) – ср. *один из козлят*.

Стратегия симплификации проявляется в использовании «замороженных» начальных форм: И. п. существительных (10)–(11), а так-

же в выборе одного косвенного падежа вместо другого (12)–(13), что более характерно для КШ. Здесь отмечается более дробное членение: падежная граммема может быть приписана как по аналогии с другими конструкциями или по базовому значению падежа (*помочь кошку*: объектное значение, семантически обоснован В. п.), так и хаотично; также иногда наблюдается эффект прайминга (ср. *с помощью удочки* – прайминг Т. п. и *с помощью удочку* – прайминг окончания -у). Стратегия сверхгенерализации выражается в выравнивании парадигмы (14) и смешивании окончаний «по горизонтали»: окончание нужного падежа одного словоизменительного класса выбирается для другого класса (*купался в пруде, севшая на кусту, подашла к ведре*); последнее актуально также при образовании количественных сочетаний (*два птенцов, две козлята, две козлятушки-ребятушки*. Г.К. Гатауллина в таких случаях предполагает интерференцию первого тюркского языка, где числительное сочетается с неформальной падежной формой, внешне совпадающей с начальной [Гатауллина, 2021]).

Подобные же механизмы, вероятно, действуют при выборе предлога и построении предложно-падежных конструкций: предлог употребляется с опорой на базовую семантику или аналогию (*улетела за поиском вкусной еды* – ср. *пойти за хлебом; достать мячик с удочкой* – инструментальное значение предлога *с*, типичное для речи изучающих русский язык; *испугалась от вороны* – ср. *задрожал от страха*; также возможна интерференция соответствующего управления глагола со значением ‘бояться’ в кыргызском; *кошка взобралась наверх* – ср. *забралась на крышу*) либо выбирается из более широкого класса без учета сочетаемости или оттенка значения (*несет на руках* – локативные *на, в; шел из рыбалки* – исходная точка движения: *с, из; выходит за кустами* – обобщенная семантика ‘сзади’: *за кустами, из-за кустов*). В речи респондентов КШ зафиксированы также случаи пропуска предлога ([*в*] *этот момент, вернулся [к] своей семье, вручает [= выручает] [в] беде*), что в целом характерно для ранних этапов освоения языка, в том числе родного.

Статистически значимые различия между К1 и Р1, но не между двумя подгруппами К1, зафиксирована на словообразовательном и лексическом уровнях. Оказиональное словообразование у респондентов группы К1 пересекается с явлениями на морфологическом уровне: за исключением некоторого количества строго словообразовательных инноваций (*с любопытностью* – в.м. *с любопытством*; *объедание* в.м. *объедение*; *нечайно* – контаминация *случайно* и *нечаянно*), большинство нестандартных лексем образовано либо за счет выравнивания парадигмы и/или неверного приписывания рода (*козлѐнка* в.м. *козлѐнок*; *подошла к ведѐрке*, *заглянул в ведѐрку*: *ведѐрка* в.м. *ведѐрко*). На стыке морфологии и словообразования находятся спонтанно образованные глаголы на *-ся* (*мышка ускользнула*, *мальчик увидел застрявшую кошку*). Кроме того, зафиксированы значительные искажения орфографического облика слова, приводящие к появлению инновации на письме (*кошка локомеется* – в.м. *лакомится*; *подсарапалась* – в.м. *поцарапалась*):

(15) А мольчик в это время мольчик с помощью удочки вытоскивает свой мячик, а кошка в это время **локомеется** рыбой в ведре (КШ).

Основным механизмом возникновения лексических ошибок является замена требуемого по контексту слова на другое, существующее в лексиконе информанта и имеющее с первым некоторую семантическую общность. Так, в нашем материале частотны паронимические замены: смешиваются лексемы, связанные как семантически, так и формально – однокоренные или сходные внешне:

(16) В один **красочный** [= красивый, прекрасный] день собака увидела мышку (РШ);

(17) В один момент хитрая лиса выбежала и **прицелилась** именно одному козленку [= нацелилась на одного козленка] (КШ).

К этому же типу можно отнести смешение либо неразличение союзов и близких по звучанию слов: *что* и *чтобы*, *потому что*, *почему* и *поэтому*:

(18) Мальчик подошел к дереву **что** [= чтобы] достать свой шарик (РШ);

(19) Козята **по чему** помогает [= потому что козлятам помогает] (КШ).

Ошибки последнего типа весьма характерны и для речи кыргызско-русских детей-билингвов и объясняются устройством лексического уровня индивидуальной языковой системы – ментального лексикона информанта: при порождении речи смешиваются близкие по какому-либо параметру лексемы.

Такой же механизм приводит к смешению лексем, не сходных внешне, но принадлежащих к одной семантической области: *уловить* и *поймать*, *искать* и *рыскать*:

(20) Мальчик сразу **уловил** [= ловил / поймал] с удочкой (КШ);

(21) Он увидел собаку, что-то **рыскавшую** [= искавшую] у дерева (РШ).

Смешение «по горизонтали» менее частотно, чем генерализация родового понятия: информант выбирает лексему с широким значением вместо более конкретной:

(22) Как вдруг из-за дерева выбегает голодная, хитрая и ловкая лиса, хватает **козленка за руку** и пытается утощить в лес чтобы полакаться (**ЕØ**) – *рука* в значении ‘любая конечность’ в.м. ‘нога (козленка)’;

(23) В это же время козленок игриво ел траву и вдруг он замечает **приближающего** из леса хитрую лису (КШ) – *приблизиться* в.м. *приходить*, *выбегать*;

(24) После того как мальчик достал кошка уже **лакомилась угощением** (РШ) – *угощение* в значении ‘вкусная еда, лакомство’;

(25) Пока **мама-птенец** будет кормить другого птенца, подумал мурзик он заберет другого (РШ) – *птенец* в.м. *птица*.

Этот тип ошибок, связанный со стратегией сверхгенерализации, также отмечался в устных нарративах двуязычных детей.

В материале зафиксированы также лексико-стилистические отклонения от русского речевого стандарта:

(26) Положил пакет с сосисками на землю и начал прыгать **дабы** допрыгнуть до веревочки шара (РШ);

(27) В один ясный летний денек коза **в сопровождении со своими козлятами** отдыхали на лугу (РШ);

(28) Он увидел как собака **совершила большой прыжок**, что бы поймать мышку... (КШ).

Отклонением можно считать стилистически не обоснованное использование «книж-

ной» лексики (26) и языковых единиц, принадлежащих к научному и официально-деловому стилю речи (27)–(28). Такие отклонения обычно не отмечаются ни в устных нарративах двуязычных детей, ни в письменных текстах инофонов, изучающих русский язык в России или вне русскоязычной среды, за исключением письменной речи ограниченной группы испытуемых, в обучении которых значительное внимание уделяется академическому регистру речи. Данный тип более характерен для РШ.

Ошибки других типов обнаруживаются в письменной речи респондентов группы Р1. Количество синтаксических ошибок невелико; статистически значимые различия между группами не отмечаются. Основная часть ошибок происходит за счет нестандартного эллипсиса, то есть пропускается какой-либо сегмент (объект, субъект, союз, целая часть фразы. В примерах восстановленные элементы даны в квадратных скобках), что нарушает структурную цельность предложения:

(29) Кошка хотела словить [**бабочку**] и подпрыгнула (РШ);

(30) Но этот момент улетела бобочка, в этот момент [**кошка**] упала кусту (КШ);

(31) Мальчик обрадовался, но [**когда**] обернулся сосисок уже не было в пакете (Р1);

(32) Собака решила поймать мышь. В это время [**мальчик**] который шол с магазина [**нес пакет**] (РШ).

Эллипсис характерен в первую очередь для пересказов.

Кроме того, один раз зафиксировано повторение слова и дважды у одного информанта – некорректное употребление деепричастного оборота:

(33) Мальчик **этого** не заметил **это** достоявая свой мячь (РШ);

(34) Вскоре мама прелетела с очередной добычей и, **покормив детей, кот Васька** залез на дерево чтобы их схватить. <...> Но **неуспев залезть ближе к птицам**, на их крик прибежал **пес Барбос** (РШ).

В отдельный тип мы выносим ошибки, связанные с использованием просторечных единиц: *залазить на дерево, шел с магазина*. Их возникновение обусловлено в первую очередь инпутом, то есть оно, вероятно, не связано ни с билингвальной ситуаци-

ей, ни с промежуточным состоянием индивидуальной языковой системы носителя. Статистически значимые различия между группами отсутствуют.

Ошибки «письменной нормы» включают орфографические и пунктуационные. По количеству орфографических ошибок все три группы значительно различаются между собой: информанты подгруппы КШ допускают больше ошибок, чем информанты подгруппы РШ, РШ – больше, чем Р1. Для КШ наиболее характерно использование *о* на месте *а* (гиперкоррекция либо особенности графики): *ночол, ноблюдоа, подумол, из долеко*; для РШ – фонетически обусловленное неверное написание безударных гласных: *увидил, удачкой, улителя*. В подгруппах К1 отмечается вставка мягкого знака после мягких согласных: *на речьке, мячь, вовсю, возвращалься* (в идиолекте информантов [л] произносится смягченно); во всех группах – неразличение слитного, раздельного и дефисного написания, в основном в пользу раздельного: *откуда то, по чему, не долго думая, наберег, в догонку*. Все ошибки типичны и для носителей русского языка, изучающих письменную норму в школе.

Пунктуационные ошибки были разделены на две группы: сегментация текста на предложения (точки, большие буквы) и постановка запятых внутри одного предложения. В обоих случаях статистически значимых различий между группами не обнаружено, то есть отсутствие точек / заглавных букв и недоосвоенность правил постановки запятых не связаны с билингвальным состоянием языковой системы. Зафиксированы следующие отклонения от стандарта при разделении текста: принципиальное отсутствие точек на протяжении всего текста или большого смыслового фрагмента.

Клаузы могут отделяться друг от друга запятыми:

(35) Однажды кошка увидела на кустике бабочку, решила поймать ее, кошка подпрыгнула высоко и прыгну ла на кустик, бабочка улетела, мальчик наблюдал за кошкой, но когда оно подпрыгнуло, он напугался и выронил мяч он покатился в пруд, мальчик решил вытащить мяч из пруда удочкой, он вытаскивает мяч из пруда, а кошка тем временем увидела ведро, ей стало

интересно что же там, она увидела рыбки и начала есть их (РШ);

(36) Он не мог выбраться и тут мама коза зометив прибежала для помощи, как только мома коза вытощила своего малыша козленок поскакал дальше гулять и есть траву (КШ).

Возможна системная постановка прописных букв вместо заглавных после точки:

(37) Когда они паслись, один из козлят увидел большую лужу у дерева и решил из нее выпить. так как трава была скользкой, козленок подскользнулся и упал в воду (Р1).

Подобные ошибки считаются нетипичными для взрослых, говорящих на втором языке: утверждается, что точка, наоборот, является наиболее сохранным, верно распознаваемым знаком препинания [Sülükçü, Kırboğa, 2020].

(38) Пока мальчик доставал свой шарик, собака подошла к покету и опракинул её. когда мальчик достал свой шарик он обрадовался и не подозревал о том что его покет с сосисками уже съела собака (РШ).

Пунктуационные ошибки, связанные с постановкой запятых, также типичны для всех групп носителей и совпадают с теми, которые допускают носители русского, обучающиеся в русскоязычной среде: в основном это пропуск запятых в сложных предложениях и при обособленных оборотах, реже – лишние запятые:

(39) Выбравшись с кустов [...] кошка увидела рядом с мальчиком ведро с рыбой, подошла к ведру и опрокинула его, от туда вывалилась рыба [...] и кошка начала кушать (РШ);

(40) В одинь день мама хотела улеть за едой и заметила [...] как кошка идет к ним (КШ);

(41) Мальчик испугался, и уронил свой мяч (КШ).

Выводы

Статистически значимые различия в речи респондентов группы К1 (обеих подгрупп) свидетельствуют о том, что степень освоенности второго языка в первую очередь отражается на морфологическом уровне: группы значимо отличаются по количеству ошибок, связанных с неразличением грамматического рода и имеющих отношение к образованию и использованию падежных форм и

предложно-падежных конструкций. Кроме того, информанты в подгруппах КШ и РШ демонстрируют разную степень освоенности орфографических правил русского языка, что обусловлено, вероятно, наполнением школьной программы.

Ошибки, связанные с употреблением лексических единиц (лексические и словообразовательные), одинаково типичны для обеих подгрупп К1, но отличают их от Р1. Таким образом, речь участников, включенных в группу К1, демонстрирует значимые отличия от речи респондентов группы Р1 на морфологическом, лексическом и орфографическом уровнях; при этом не обнаружено значимых отличий на синтаксическом, стилистическом и пунктуационном уровнях.

Несмотря на то, что русский язык имеет статус официального языка в Кыргызстане и широко распространен, в речи взрослых билингвальных носителей языка наблюдаются разного рода лексико-грамматические отклонения от русской речевой нормы, обусловленные стратегиями симплификации, сверхгенерализации и интерференции, характерными для любых двуязычных носителей, независимо от их возраста или статуса русского языка в стране проживания – доминантного или второстепенного. В данном случае подобные отклонения невозможно объяснить только недостаточностью инпута. Вероятно, они обусловлены в первую очередь влиянием второго языка и особенностями организации индивидуальной двуязычной системы в целом. Кроме того, они свидетельствуют о стремлении к упрощению языковых явлений, что, вероятно, представляет собой оптимальную когнитивную стратегию в ситуации параллельного оперирования несколькими языками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтынбекова Б. А., 2022. Гендерный фактор в переключении кода у кыргызско-русских билингвов (на материале комментариев к сериалам и видеорепортажам) // *Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика* : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–15 апр. 2022 г.). М. : РУДН. С. 486–495.
- Ахметова Н. А., 2017. Кыргызско-русский билингвизм в Кыргызской Республике // *От билингвизма*

- к транслингвизму: про и контра : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой МАПРЯЛ (Москва, РУДН, 1–2 дек. 2017 г.). М. : РУДН. С. 153–159.
- Галкина Е. В., Краснощекова С. В., 2024. Типичные ошибки в речи детей-дошкольников в условиях русско-кыргызского билингвизма // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 22 (2). С. 93–103. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-2-93-103
- Гатаулина Г. К., 2021. Грамматические ошибки в речи тюркоязычных студентов как следствие межъязыковой интерференции (на примере количественно-именных сочетаний) // Довузовская подготовка иностранных граждан: проблемы и перспективы. Казань : Изд-во Казан. ун-та. С. 44–45.
- Дербишева З. К., 2022. Языковые контакты в сфере билингвизма в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13, № 1. С. 144–155. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155
- Евдокимов А. Н., Давыдова Т. А., Савкин Д. А., 2020. Русский язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. Т. 7, вып. 3. С. 373–388. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388
- Кудаяров К. А., 2020. Русский язык как основа образовательной интеграции России и Кыргызии // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». № 1. С. 43–53. DOI: 10.28995/2686-7648-2020-1-43-53
- Летняков Д. Э., 2015. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии // Полития. № 4 (79). С. 100–115. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-79-4-5-100-115
- Некрасова Е. Д., Резанова З. И., Палий В. Е., 2019. Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. № 57. С. 103–123. DOI: 10.17223/19986645/57/6
- Резанова З. И., Рябова Ю. А., 2021. Категории рода и числа в речи тюркско-русских билингвов: интерферентное влияние или внутриязыковые тенденции? // Русин. № 66. С. 166–182. DOI: 10.17223/18572685/66/10
- Рингблом Н., Краснощекова С. В., Галкина Е. В., 2018. Предложно-падежные конструкции в речи русско-голландских и русско-шведских двуязычных детей в сравнении со студентами, изучающими русский язык как иностранный // Проблемы онтолингвистики – 2018 : материалы ежегод. Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 20–23 марта 2018 г.). Иваново : ЛИСТОС. С. 149–155.
- Сулаймонова Д. А., 2018. Своеобразие изучения категории рода имен существительных в тюркоязычной аудитории // Теория и практика современной науки. № 4 (34). С. 505–508.
- Цейтлин С. Н., 2015. К построению грамматики промежуточного языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XI, ч. 1. С. 515–538.
- Юсупова Р. К., 2023. Трудности в изучении рода имен существительных русского языка в узбекском языке // Research Focus. Т. 2, вып. 3. С. 86–90. DOI: 10.5281/zenodo.7821744
- Anderson J. A. E., Hawrylewicz K., Bialystok E., 2020. Who is Bilingual? Snapshots Across the Lifespan // Bilingualism: Language and Cognition. Vol. 23, iss. 5. P. 929–937. DOI: 10.1017/S1366728918000950
- Brooks P. J., Kempe V., Donachie A., 2011. Second Language Learning Benefits from Similarity in Word Endings: Evidence from Russian // Language Learning. Vol. 61, iss. 4. P. 1142–1172. DOI: 10.1111/j.1467-9922.2011.00665.x
- Dąbrowska E., Becker L., Miorelli L., 2020. Is Adult Second Language Acquisition Defective? // Frontiers in Psychology. № 11, art. 1839. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01839
- Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Balčiūnienė I., Bohnacker U., Walters J., 2015. Assessment of Narrative Abilities in Bilingual Children // Assessing Multilingual Children: Disentangling Bilingualism from Language Impairment. Bristol : Multilingual Matters. P. 243–276. DOI: 10.21832/9781783093137-011
- Özşen A., Çalışkan T., Önal A., Baykal N., Tunaboğlu O., 2020. An Overview of Bilingualism and Bilingual Education // Journal of Language Research. Vol. 4, iss. 1. P. 41–57.
- Sá-Leite A. R., Flores C., Eira C., Haro J., Comesaña M., 2023. Language Balance Rather Than Age of Acquisition: A Study on the Cross-Linguistic Gender Congruency Effect in Portuguese–German Bilinguals // Bilingualism: Language and Cognition. Vol. 26, iss. 5. P. 1079–1092. DOI: 10.1017/S1366728923000378
- Sülükçü Y., Kırboğa A., 2020. A Study on the Punctuation Knowledge Levels of Freshmen Students // Journal of Language and Linguistic Studies. Vol. 16, iss. 2. P. 684–710. DOI: 10.17263/jlls.759273

REFERENCES

- Altynbekova B.A., 2022. Gendernyy faktor v pereklyuchenii koda u kirgizsko-russkikh bilingvov (na materiale kommentariy k serialam i videoreportazham) [Gender Factor in Code-Switching Among Kyrgyz-Russian Bilinguals (Based on Comments on TV Series and Video Reports)]. *Yazyk kak iskusstvo: funktsionalnaya semantika i poetika: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–15 apr. 2022 g.)* [Language as Arts: Functional Semantics and Poetics. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, April 14–15, 2022)]. Moscow, RUDN, pp. 486–495.
- Akhmetova N.A., 2017. Kyrgyzsko-russkiy bilingvizm v Kyrgyzskoy Respublike [Kyrgyz-Russian Bilingualism in the Kyrgyz Republic]. *Ot bilingvizma k translingvizmu: pro i kontra: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pod egidoy MAPRYaL (Moskva, RUDN, 1–2 dek. 2017 g.)* [From Bilingualism to Translingua: Pro and Contra. Proceedings of the 3rd International Scientific Conference (Moscow, RUDN, December 1–2, 2017)]. Moscow, RUDN, pp. 153–159.
- Galkina E.V., Krasnoshchekova S.V., 2024. Tipichnye oshibki v rechi detey-doshkolnikov v usloviyakh russko-kirgizskogo bilingvizma [Typical Errors in Russian-Language Speech of Preschool Children in the Situation of Russian-Kyrgyz Bilingualism]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Novosibirsk State University Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 22 (2), pp. 93–103. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-2-93-103
- Gataullina G.K., 2021. Grammaticheskie oshibki v rechi tyurkoyazychnykh studentov kak sledstvie mezhyazykovoy interferentsii (na primere kolichestvenno-imennykh sochetaniy) [Grammar Errors in the Speech of Turkic-Speaking Students as a Result of Interlanguage Interference (On the Example of Quantitative-Nominal Phrases)]. *Dovuzovskaya podgotovka inostrannykh grazhdan: problemy i perspektivy* [Pre-University Training of Foreign Nationals: Problems and Perspectives]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, pp. 44–45.
- Derbisheva Z.K., 2022. Yazykovye kontakty v sfere bilingvizma v Kyrgyzstane [Language Contacts in the Field of Bilingualism in Kyrgyzstan]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 13, no. 1, pp. 144–155. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155
- Evdokimov A.N., Davydova T.A., Savkin D.A., 2020. Russkiy yazyk v Tsentralnoy Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Russian Language in Central Asia: Current Status and Prospects]. *Problemy postsovetetskogo prostranstva* [Post-Soviet Issues], vol. 7, iss. 3, pp. 373–388. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388
- Kudayarov K.A., 2020. Russkiy yazyk kak osnova obrazovatelnoy integratsii Rossii i Kirgizii [The Russian Language as the Basis of Educational Integration of Russian and Kyrgyzstan]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Evraziyskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya»* [RSUH/RGGU Bulletin “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series], no. 1, pp. 43–53. DOI: 10.28995/2686-7648-2020-1-43-53
- Letnyakov D.E., 2015. Rol russkogo yazyka v postsovetiskoy Tsentralnoy Azii [Role of Russian Language in Post-Soviet Central Asia]. *Politiya* [Politeia], no. 4 (79), pp. 100–115. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-79-4-5-100-115
- Nekrasova E.D., Rezanova Z.I., Paliy V.E., 2019. Vliyaniye rodnogo yazyka (L1) na kognitivnuyu obrabotku grammaticheskoy kategorii roda sushchestvitelnykh russkogo yazyka (L2) russko-tyurkskimi bilingvami [The Influence of the Native Language (L1) on the Cognitive Processing of the Grammatical Gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic Bilinguals]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 57, pp. 103–123. DOI: 10.17223/19986645/57/6
- Rezanova Z.I., Ryabova Yu.A., 2021. Kategorii roda i chisla v rechi tyurksko-russkikh bilingvov: interferentnoe vliyaniye ili vnutyriyazykovye tendentsii? [Grammatical Gender and Number in the Speech of Turkic-Russian Bilinguals: Interference or Intra-Linguistic Tendencies?]. *Rusin*, no. 66, pp. 166–182. DOI: 10.17223/18572685/66/10
- Ringblom N., Krasnoshchekova S.V., Galkina E.V., 2018. Predlozhno-padezhnye konstruktii v rechi russko-gollandskikh i russko-shvedskikh dvuyazychnykh detey v sravnenii so studentami, izuchayushchimi russkiy yazyk kak inostrannyy [Preposition-Case Constructions in the Speech of Russian-Dutch and Russian-Swedish Bilingual Children in Comparison with Students Learning Russian as a Foreign Language]. *Problemy ontolingvistiki – 2018: materialy ezhegod. Mezhdunar. nauch. konf.*

- (Sankt-Peterburg, 20–23 marta 2018 g.) [Problems of Ontolinguistics – 2018. Proceedings of the Annual International Conference (St. Petersburg, March 20–23, 2018)]. Ivanovo, LISTOS, pp. 149-155.
- Sulaymonova D.A., 2018. Svoeobrazie izucheniya kategorii roda imen sushchestvitelnykh v tyurkoyazychnoy auditorii [The Performance of Studying the Category of the Name of Existent in Turkish Audience]. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki* [Theory and Practice of Modern Science], no. 4 (34), pp. 505-508.
- Tseytlin S.N., 2015. K postroeniyu grammatiki promezhutochnogo yazyka [On the Formation of Interlanguage Grammar]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], vol. XI, pt. 1, pp. 515-538.
- Yusupova R.K., 2023. Trudnosti v izuchenii roda imen sushchestvitelnykh russkogo yazyka v uzbekskom yazyke [Difficulties in Studying the Gender of Russian Nouns in the Uzbek Language]. *Research Focus*, vol. 2, iss. 3, pp. 86-90. DOI: 10.5281/zenodo.7821744
- Anderson J.A.E., Hawrylewicz K., Bialystok E., 2020. Who Is Bilingual? Snapshots Across the Lifespan. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 23, iss. 5, pp. 929-937. DOI: 10.1017/S1366728918000950
- Brooks P.J., Kempe V., Donachie A., 2011. Second Language Learning Benefits from Similarity in Word Endings: Evidence from Russian. *Language Learning*, vol. 61, iss. 4, pp. 1142-1172. DOI: 10.1111/j.1467-9922.2011.00665.x
- Dąbrowska E., Becker L., Miorelli L., 2020. Is Adult Second Language Acquisition Defective? *Frontiers in Psychology*, no. 11, art. 1839. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01839
- Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Balčiūnienė I., Bohnacker U., Walters J., 2015. Assessment of Narrative Abilities IN Bilingual Children. *Assessing Multilingual Children: Disentangling Bilingualism from Language Impairment*. Bristol, Multilingual Matters, pp. 243-276. DOI: 10.21832/9781783093137-011
- Özşen A., Çalışkan T., Önal A., Baykal N., Tunaboğlu O., 2020. An Overview of Bilingualism and Bilingual Education. *Journal of Language Research*, vol. 4, iss. 1, pp. 41-57.
- Sá-Leite A.R., Flores C., Eira C., Haro J., Comesaña M., 2023. Language Balance Rather Than Age of Acquisition: A Study on the Cross-Linguistic Gender Congruency Effect in Portuguese–German Bilinguals. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 26, iss. 5, pp. 1079-1092. DOI: 10.1017/S1366728923000378
- Sülükçü Y., Kırboğa A., 2020. A Study on the Punctuation Knowledge Levels of Freshmen Students. *Journal of Language and Linguistic Studies*, vol. 16, iss. 2, pp. 684-710. DOI: 10.17263/jlls.759273

Information About the Authors

Elena V. Galkina, Researcher, Laboratory of Speech Physiology, Pavlov Institute of Physiology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, dinomama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5041-2498>

Sofia V. Krasnoshchekova, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Department of Theory of Grammar, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, ndhito@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8830-5121>

Jamilya E. Dunganova, Senior Lecturer, Department of Special Pedagogy and Psychocorrection, Institute of Pedagogy and Psychology, Kyrgyz State University named after I. Arabaev, Bishkek, Kyrgyzstan, dunganova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-3982>

Информация об авторах

Елена Владимировна Галкина, научный сотрудник лаборатории физиологии речи, Институт физиологии им. И.П. Павлова Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия, dinomama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5041-2498>

Софья Викторовна Краснощекова, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теории грамматики, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия, ndhito@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8830-5121>

Джамиля Эрнстовна Дунганова, старший преподаватель кафедры специальной педагогики и психокоррекции Института педагогики и психологии, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызстан, dunganova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-3982>